

На правах рукописи

Полетаева Елена Альбертовна

**ЖИТИЕ НИКОДИМА КОЖЕОЗЕРСКОГО
В ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ**

10.01.01. - русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ЕКАТЕРИНБУРГ – 2005

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель:

*доктор филологических наук, профессор
В.В. Блажес*

Официальные оппоненты:

*доктор филологических наук, доцент
С.В. Минеева*

*кандидат исторических наук, доцент
А.Т. Шаилов*

Ведущая организация:

*Сыктывкарский государственный
университет*

Защита состоится « 3 » февраля 2006 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького, по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83. пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М.А.Литовская

Житие Никодима Кожеозерского принадлежит к числу агиобиографий о пустынножителях Русского Севера XVII в. Памятник повествует о преподобном Никодиме, постриженнике Чудова монастыря, который, «возгоревшись желанием безмолвствовать», уходит к «Студеному морю-окиану» на пустынножительство. Построив келью «в меру единого человека» у реки Хозьюги, отшельник в молитвенном уединении проводит 36 лет. Лишь за полтора месяца до своей кончины пустынножитель от «старости и изнеможения» переселяется в расположенный неподалеку от пустыни Кожеозерский монастырь, где умирает 3 июля 1639 г. После смерти старец Никодим почитается как покровитель обители и чудотворец, над гробом которого происходит множество исцелений. В монастыре на Коже, где упокоились мощи святого, составляются его жизнеописания. Житие Никодима Кожеозерского – памятник, вобравший в себя традиционные и новые для древнерусской агиографии представления о святости и пустынном житии.

Степень изученности. Памятник привлек внимание таких исследователей житийного жанра, как В.О. Ключевский (1871 г.), И.А. Яхонтов (1881 г.), Н.И. Барсуков (1882 г.), иеромонах Никодим (Кононов) (1900 г.), Л.А. Дмитриев (1972 г.), Л.В. Соколова (1992 г.) и др. В.О. Ключевский¹ выделил две редакции Жития Никодима Кожеозерского (далее: ЖНК) по двум спискам: Краткую, «первоначальную записку» о святом, и Пространную, более позднюю, «риторически украшенную». По мнению исследователя, составителем Краткой редакции был инок Боголеп Львов, пострижник Кожеозерского монастыря, ибо о Боголепе, как об авторе «повести о Никодиме», писал келарь Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин в составленном им «Житии архимандрита Дионисия». Иеромонах Никодим (Кононов), посвятив свою работу² изучению истории церковного почитания святого Никодима, продолжил начатое В.О. Ключевским историко-литературное исследование памятника. Иеромонах Никодим ввел в научный оборот и опубликовал два варианта Краткой редакции (один из которых виршевый) и Пространную редакцию жития (по древнейшему списку). К числу авторов ЖНК, кроме Боголепа, исследователь причисляет Иоанна Дятлева, в постриге – иеромонаха Иакова. По мнению ученого, Иоанн Дятлев составил Краткую редакцию памятника и «Сказание о списавшем

житие», вошедшее в состав одного из списков пространного жития³. Автором же Пространной редакции, на его взгляд, был Боголеп Львов. Л.В. Соколова в энциклопедической статье о ЖНК, составленной для «Словаря книжников и книжности Древней Руси», в вопросах, касающихся авторства жития и его редакций, солидарна с В.О. Ключевским, считая «ошибочным» мнение Никодима (Кононова) о том, что составителем Краткой редакции был Иоанн Дятлев. Исследовательница датирует появление Краткой редакции (если ее автор – Боголеп) временным отрезком 1640 – 1648 гг., считая, что на ее основе в 1684/1685 г. было составлено пространное житие. Называя шесть списков Жития Никодима (четыре – Краткой редакции и два – Пространной), Л.В. Соколова констатирует, что к моменту написания словарной статьи отсутствует сколько-нибудь удовлетворительное текстологическое исследования списков памятника⁴. Ситуация с изучением истории текста памятника не изменилась до сих пор. Е.А. Рыжова в новейшем исследовании (2005 г.) вторит высказыванию Л.В.Соколовой (1992 г.), отмечая, что «ни одна из текстологических концепций» памятника на сегодняшний день «не является исчерпывающей»⁵. Поэтика Жития Никодима Кожеозерского практически не изучалась, не считая лишь незначительных наблюдений, сделанных И.А. Яхонтовым⁶ и Л.А. Дмитриевым⁷, рассматривавшими памятник в ряду других севернорусских житий. Таким образом, **актуальность исследования** обусловлена тем, что на данный момент в должной степени не прослежена литературная история ЖНК (бытование в списках и редакциях) в ее связи с древнерусской агиографической традицией. Вопросы текстологии Жития Никодима Кожеозерского, авторства и художественных особенностей, лишь отчасти поднятые исследователями, остаются открытыми. Необходимость специального изучения памятника определила ход наших изысканий.

Предмет исследования: Житие Никодима Кожеозерского в ряду севернорусских преподобнических житий (традиции и новации).

³ РНБ, Соловецкое собр., 182/182.

⁴ Соколова Л.В. Житие Никодима Кожеозерского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч.1: А – З. СПб., 1992. С. 374 – 377.

⁵ Рыжова Е.А. Виршевые редакции севернорусских житий // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 210-211.

⁶ Яхонтов И.А. Жития святых северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник (По рукописям Соловецкой библиотеки). Казань, 1881. С.188-195.

⁷ Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 181-202.

¹ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. СПб., 1871. С. 334-335.

² Никодим, иеромонах (Кононов). Преподобный Никодим, пустынножитель Хозьегский, чудотворец Кожеозерский. СПб., 1900.

Объектом исследования является книжно-рукописная традиция изучаемого памятника в контексте переводной и древнерусской агиографии.

Цель исследования: основываясь на известных науке и вновь найденных списках, исследовать литературную историю Жития Никодима Кожеозерского в ее связи с агиографической традицией. Для достижения этой цели необходимо решить **следующие задачи:**

1. Дать аналитическую характеристику феномена пустынножительства, его истоков и отражения в раннехристианской и византийской литературе, севернорусской агиографии и старообрядческих сочинениях. Вскрыть освещение темы «пустынного жития» в древнерусских памятниках через характерные мотивы – любви к безмолвию, пустынных «страхований и соблазнов», преобразования пространства пустыни, послушания диким зверей пустынным отцам, встречи «списателя» с пустынножителем, погребения отшельника.

2. Провести текстологический анализ списков Жития Никодима Кожеозерского в его Краткой (далее: КР), Пространной (далее: ПР) и Особой (далее: ОР) редакциях, привлекая неизвестные ранее списки памятника. Выявить особенности соотношений между редакциями.

3. Сопоставить Краткую редакцию памятника с I Пространной (далее: I ПР), а так же последнюю со II Пространной редакцией (далее: II ПР). Выяснить, в каком направлении шло распространение текста. Определить, на основе какой редакции ЖНК была составлена Служба святому Никодиму.

4. Рассмотреть Житие Никодима Кожеозерского в контексте древнерусской агиографической традиции, выявить поэтические особенности изучаемого памятника: исследовать соответствие структуры произведения общей схеме преподобнического жития, проанализировать традиционные и новаторские житийные мотивы.

Научная новизна. В диссертации впервые представлена литературная история Жития Никодима Кожеозерского в ее связи с древнерусской агиографической традицией.

Теоретическая основа исследования. В теоретических положениях мы руководствовались традицией изучения древнерусской агиографии, заложенной в трудах В.О.Ключевского, Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и других исследователей отечественной книжно-рукописной культуры. В своих изысканиях мы учитывали и всевозрастающий научный интерес к памятникам «малых книжных центров». В работе применялись

текстологический, историко-сравнительный, типологический, сопоставительный анализы.

Основные научные результаты. В диссертации подробно прослежена литературная история ЖНК в контексте древнерусской агиографической традиции, дан текстологический и сопоставительный анализ Пространной и Краткой редакций памятника на основе ранее известных и пяти вновь найденных списков. В результате текстологического анализа списков памятника удалось выделить три варианта Краткой редакции памятника (по девяти спискам), три Пространные редакции (по трем спискам) и одну Особую редакцию ЖНК (по одному списку). Сопоставительный анализ КР и ПР показал, каким образом шло редакторское расширение текста. Основываясь на результатах сопоставления Службы Никодиму Кожеозерскому с текстами КР и ПР, мы предположили, что ее составители использовали некую иную – «промежуточную» (между Краткой и Пространной) редакцию. Наблюдение над поэтикой ЖНК выявило в тексте памятника наличие традиционных для древнерусской и переводной агиографии житийных мотивов, использование автором новых, характерных для литературы XVII в., принципов изображения человека и окружающего его мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Идея пустынножительства актуализируется в русском обществе XVII в. и находит свое отражение в агиографии. Мотивы пустынножительства – традиционные для преподобнических житий, как правило, в этом типе агиобиографии переходят в мотивы строительства нового монастыря. Житие Никодима Кожеозерского – памятник, повествующий о Хозьюгском пустынножителе, – яркий пример чисто *отшельнического* жития, составленного на русском материале.

2. Мы даем литературную историю памятника через текстологию известных нам на сегодняшний день 13 списков и выделяем три варианта Краткой редакции (Первоначальный, Проложный и Виршевый), три Пространных редакции (I ПР, II ПР и III ПР) и одну Особую редакцию памятника⁸.

3. Соотношение I Пространной и Первоначального варианта Краткой редакции памятника показало, каким образом происходило редактирование текста: как расширялся материал, какие мотивы КР

⁸ Введенная в научный оборот Е.А. Рыжовой рукопись (РНБ, ОСПК, Q.I. 1390, 30-е гг. XVIII в.), дополняет нашу текстологическую картину тремя новыми списками Жития Никодима: Виршевого и Проложного варианта КР (2 списка), и I ПР (1 список) (см.: Рыжова Е.А. Виршевы редакции севернорусских житий. С.212).

получили наибольшее развитие в пространном житии и т. п. В целях выяснения, текст какой редакции ЖНК мог использоваться при составлении канона и стихир Никодиму сербскими авторами митрополитом Гревенским Макарием и аввой Феодосием для его канонизации (1661-1662 гг.), мы сопоставили Службу святому Никодиму с Первоначальным вариантом КР и I ПР памятника. Сопоставительный анализ показал, что кроме Краткой редакции, известной составителям Службы, был использован и некий, более расширенный вариант жития – «промежуточный» между Краткой и I Пространной редакциями. Основное отличие этого «промежуточного» варианта памятника от Краткой редакции, на наш взгляд, могло заключаться в наличии в нем эпизодов пустынного жития, столь необходимых для составления Службы отшельнику, отсутствующих в КР памятника.

4. Анализ поэтики текста Житие Никодима Кожеозерского показал тесную связь памятника с древнерусской традицией преподобнического жития, выявил новаторские для этого типа агиобиографии особенности, характерные для русской литературы переходного (от средневековья к новому времени) периода. ЖНК в кругу агиографических памятников выделяется усилением отшельнических мотивов и темы старчества-духовничества. Мемуарно-документальный характер повествования обусловил мозаичность структуры произведения.

Апробация работы

Основные выводы диссертации докладывались и обсуждались на научных семинарах Отдела истории книги Центральной научной библиотеки УрО РАН и конференциях: «Устные и письменные традиции в духовной культуре народа» (г. Сыктывкар, май, 1990 г.); «380 лет восстановления российской государственности» (г. Екатеринбург, март, 1993 г.); «Этнокультурная история Урала XVI-XX вв.» (г. Екатеринбург, ноябрь – декабрь, 1999 г.); «Человек и общество в информационном измерении» (г. Екатеринбург, январь, 2001 г.), «VI Уральские археографические чтения» (г. Екатеринбург, октябрь, 2003 г.).

Практическая ценность диссертации:

Материалы диссертации могут быть внедрены в вузовскую практику преподавания истории древнерусской литературы XI-XVII вв., а также использованы в разработке историко-литературных спецкурсов по агиографии и книжности Древней Руси.

Структура работы.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения. К ней прилагается список сокращений и список использованной литературы. В

Приложении даются тексты II Пространной редакции Жития Никодима Кожеозерского (по рукописи РНБ, Соловецкое собр., 182/182) и трех вариантов Краткой редакции памятника (по изданию Пролога 1661-1662 гг. и рукописям: РГБ, Синодальное собр., 850; БАН, Архангельское собр., Д.405). *Общий объем диссертации 243 с. Основной текст 185 с., Приложения – 58 с.*

Содержание диссертации

Во введении характеризуются итоги изучения Жития Никодима Кожеозерского, дано обоснование выбора темы, ее актуальности и научной новизны, сформулированы основные цели и задачи диссертационного исследования.

Первая глава посвящена теме «пустынножительства» в древнерусских памятниках. Особое внимание в ней уделено истокам русского «пустыннолюбия», восходящим к образам Священного Писания и переводной агиографии. Примеры уединенного пустынножительства были известны уже в пророческом институте древнего Израиля. Евангельская пустыня – не только место совершения чудес, очищения и встречи с Богом, но и место искушений от дьявола и борьбы с ним. Христос делает пустыню пространством проповеди и усиленной молитвы: *«и оутро, нощи сущей зело, встав, изыде, и иде в пусто место, и ту молитву деяше...»*⁹. Это указание Спасителя на уединение в «пустом месте», как необходимое условие «пребывания в Боге», по сути, было толчком к появлению иночества: *«Се бо Господь сам место молитве в пустыни и в горе на уединение показуя учеником своим...и ты убо, аще не бежиши с пребывания человеческого, вскоре лишишися Бога. Любящим подобает пустыню и уединенных мест со усердием достигати»*¹⁰.

В агиографии обнаруживаем продолжение развития темы «пустынного жития». Первое из житий – Житие Антония Великого, было отшельническим. Необходимым моментом в повествованиях о египетских пустынножителях являлся рассказ о встрече отшельника с «достойным мужем», достигшим той меры совершенства, которой еще не достиг он сам. Встреча двух пустынножителей была кульминационным моментом повествования: один отшельник спрашивал у другого, как долго тот подвизался в пустыне, чем питался, каковы были бесовские нападения, как подвижник справлялся с искушениями. Для ранней агиографической традиции в целом характерна подобная форма повествования, которая, на наш взгляд, во многом определялась структурой древних преданий и легенд, столетиями бытовавших устно в

⁹ Мр. 1: 35.

¹⁰ Выписка из «Зерцала Мирозрительного» (ЛИАИ УрГУ, XV. 18 р / 60, л. 167).

монастырях Палестины и Египта в IV-VII вв. Этот монастырский «фольклор» позднее был закреплен в литературной традиции. Среди подобных житий – жизнеописание Онуфрия Великого (конец IV в.) и Марии Египетской (VII в.). Авва Пафнутий, автор Жития Онуфрия Великого, уходит «в пустыню глубочайшую» с той же целью - «видети, аще есть тамо некий инок, паче мене работай Господеву», чтобы «улучити и прияти» пользу душе¹¹. Агиографы указывали на Божественную предопределенность встречи с отшельниками. Бог посылал одного святого к другому перед его смертью для того, чтобы достойный мог погребсти тело более достойного и пропеть над ним погребальные песнопения. Автору же предназначалось поведать миру о жизни отшельника. Так, Онуфрий Великий, предчувствуя свою кончину, обращается к Пафнутию: «Бог, иже всемъ есть Милосерд, посла тя ко мне, да погребеши тело мое...»¹². Неслучайно святой Онуфрий запрещает Пафнутию оставаться более в пустыне, отсылая его назад в монастырь: «Чадо, не того ради послал еси от Бога в пустыню сию, да в ней пребываеши...иди убо, чадо, в Египет ко своему монастырю и к прочим и поведай, яже в пустыне видел и слышал еси»¹³. Патриарх Иерусалимский Софроний, автор жития преподобной Марии, в повествовании также использует мотивы встречи и погребения, характерные для житий египетских отшельников.

Если в переводных памятниках мотивы ухода автора (рассказчика) жития в пустыню с целью обрести «мужа совершенна», встречи с пустынножителем и погребения одного отшельника другим являлись сюжетобразующими, то в древнерусской агиографии эти мотивы встречались чрезвычайно редко и не несли какой-либо фабульной нагрузки. Зачин египетских житий отшельников предполагал образ автора-рассказчика, достаточно преуспевшего в монашеском делании, задавшегося вопросом есть ли кто, подобный ему в подвиге. Именно рассказчик встречается с отшельником, именно он слышит от святого историю его жизни, он же по смерти погребает тело пустынножителя и составляет его житие. В древнерусской же традиции автор, придерживаясь самоуничижительной манеры повествования, скромно умалчивает о своем подвижничестве – аскезе.

Однако и древнерусские агиографы, пытаясь подражать переводным литературным образцам, вводили в сюжетную канву мотивы встречи и погребения. В отечественных житиях можно найти и упоминание о том,

что рассказчик знал отшельника при его жизни, и свидетельства очевидцев смерти святого. Так, автор КР Жития Никодима Кожеозерского сообщает, что беседовал с отшельником за семь месяцев до его кончины. В ПР ЖНК имеет место рассказ свидетеля последних часов старца – Иоанна Дятлева, «послужившего» Никодиму перед смертью. В Житии Зосимы и Савватия Соловецких вводится эпизодический персонаж - новгородский купец Иоанн, который оказался свидетелем последних часов старца Зосимы и совместно с Выговским игуменом Нафанаилом участвовал в погребении пустынножителя. В Житии Диодора Юрьегорского говорится, что Диодору, часто посещающему соловецких пустынножителей, приходилось «преставившихся Богу» отшельников «своима погребати рукама»¹⁴.

Как Житие Антония Великого было образцом для составителей биографии преподобных и отцов пустынников на Востоке, так, несомненно, Житие Сергия Радонежского послужило примером для написания преподобнических агиобиографий на Руси. Однако эти жития нельзя охарактеризовать только лишь как пустынножительные. Ведь преподобный Сергей для русского иночества был образцом не только уединившегося монаха-безмолвника, но, что очень важно, игуменом, духоносным отцом для множества учеников («в пении, бдении и пощении образ быв твоим учеником»¹⁵). Так и Антоний Великий собрал вокруг себя многочисленное иночество. В этом и заключается парадокс: инок, ищущий безмолвие, уходит в пустыню, а через некоторое время обретает вокруг себя множество монахов. «Пусто место» становится монастырем – «градом».

Мотив пустыннолюбия присутствует практически во всех преподобнических житиях. От него берут свое начало мотивы «ухода в пустыню» и жительства в ней («созидание духовного града»). Уход «во внутреннюю пустыню» означал для инока не только и не столько определенный вид подвижничества, но особое состояние души - готовность к «сугубому» подвигу. Молитвой, подвигом воздержания, чистотой он «освящал» нечистое первоначально пространство (остров, лесной участок), заселенное бесами или диким, нехристианским народом¹⁶. Жизнь отшельника в пустыне имела два этапа. Первый заключался в борьбе с бесами за пустынное место, как правило, заканчивающийся победой над ними. Второй этап был связан с внутренним преображением – достижением предела безмолвия – «пребывания в Боге» (обожения). Многолетняя духовная борьба

¹¹ Житие Онуфрия Великого (ЛИАИ УрГУ, XV. 18 р / 60, л. 204 об.).

¹² Там же, л. 210 об.

¹³ Там же, л. 211.

¹⁴ Житие Диодора Юрьегорского (БАН, Архангельское собр., Д. 260, л. 10 об.).

¹⁵ Тропарь преподобному Сергию Радонежскому.

¹⁶ В Житии Трифона Печенгского «непроходная земля» символизирует лопарский народ.

подвижника изменяла и сам облик пустыни. Неслучайно пустыня в литургической поэзии (и под ее влиянием в духовных стихах) уподобляется Раю, где звери, живущие окрест нее, ведут себя подобно «эдемским тварям».

Пустынничество к концу XVI – началу XVII в. становится распространенным явлением на Поморском Севере, и в последнем веке русского средневековья тема «ухода в пустыню» начинает доминировать в житийном жанре. Тип святого пустынника-исихаста выходит в агиографии на первый план, как наиболее близкий по духу севернорусскому монашеству образец крайней аскезы и самоотречения. Отцы-отшельники, некогда первыми вселившиеся в «пусто место», по смерти начинают почитаться как покровители обитателей, выросших из основанных ими пустыней. Редко какой монастырь не имел письменного предания о своих святых патронах.

«Уход в пустыню» сыграл во времена церковного Раскола XVII в. существенную роль в выработке сторонниками «древлего благочестия» собственной идеологии «пустынничества». Эта идейная установка позволяла дать положительный ответ на вопрос о спасении души вне Таинств Церковных (главным образом, Причастия) через «добродетельное житие» в пустыне. Ссылаясь на жития святых, долго пребывавших в пустынных местах и не имевших возможности «вкушать Тело Христово», староверы отмечали важную для себя мысль – возможность благодатного просвещения и спасения вне Таинства Причастия: «*Сице мнози пустынницы, далече от Вселенныя живуще, церкви и священников не имущи, устнама Святых Тайн причаститися не имеяху, обаче верою и житием добродетельным присно оных благодать имеяху*»¹⁷. В старообрядческой книжно-рукописной традиции XVII-XIX вв. тема пустынничества занимала одно из существенных мест. Пустынничеством, в глазах староверов, не только начиналась, но и должна завершиться святость: святые, по пророчествам, «не иссякнут, но скроются» от людей. Одним из таких «последних» святых для старообрядцев явился преподобный Никодим, Хозьюгский отшельник, «предвестник» пустынничества «конца времен». Интересно, что преподобный Никодим завершает «Список святых ... умерших в древлеправославном благочестии»¹⁸, бытовавший в старообрядческой рукописной традиции.

¹⁷ ЛАИ УрГУ, XVII 67 р / 4019, л. 43 об. – 44 об.

¹⁸ Список Российских святых входил в состав «Извещения святых правых христианских веры» (ЛАИ УрГУ, XVII 67 р / 40, л. 92) и бытовал отдельно.

Вторая глава посвящена текстологическому исследованию Краткой и Пространной редакций памятника и состоит из двух параграфов. В **первом параграфе** рассматриваются списки Краткой редакции Жития Никодима в книжно-рукописной традиции XVII-XIX вв. Все указанные в Л.В. Соколовой в «Словаре книжников» списки памятника относятся к одному варианту КР (мы обозначили его как Первоначальный вариант – далее: А), который в рукописной традиции имеет название: «*О отшельнице авве Никодиме*» и начинается со слов: «*Сей Никодим родился близ града Ростова...*». К этому варианту относятся четыре списка: ГИМ, Синодальное собр., № 850, 1646-1652 гг., л. 531 – 533; БАН, Архангельское собр., № 233, 1662 г., л. 563-565; ГИМ, собр. Уварова, № 716, 1662 г., л. 180-187; РНБ, собр. Погодина, № 1549, 1829 г., л. 63-64.

В рукописной традиции бытовал и вариант КР, восходящий к статье о Никодиме, опубликованной в Прологе 1661-1662 гг. к моменту канонизации святого. Этот, обнаруженный нами, Проложный вариант ЖНК (далее: вариант Б) озаглавлен: «*Месяца июля в 3 день преставление преподобного отца нашего Никодима*»¹⁹ (Нач.: «*Сей преподобный отец наш Никодим родися близ града Ростова...*»). Нами введены в научный оборот следующие списки варианта Б: БАН, собр. Плюшкина, № 165 (38.4.40), XVII в., л. 302 об.-304; РНБ, собр. Погодина, № 831, вторая половина XVII в., л. 427 об. – 430 об.; НБ Сыкт.ГУ, Усть-Цилемское собр., № 246, XVII в., л. 118-118 об.; РНБ, собр. Тиханова, № 473, XVIII в., л. 37-39.

Источником для проложной статьи о преподобном Никодиме, по нашему предположению, мог послужить список жития из рукописи, принадлежавшей справщику Печатного двора Никифору Семенову (ГИМ, Синодальное собр., № 850), датируемой 1646-1654 гг.²⁰ Представляет интерес и то, что в составе сборника находились еще две статьи, появившиеся впервые в издании Пролога 1661-1662 гг.²¹: Текст А КР Жития Никодима вошел в Пролог уже со значительными поправками, поскольку Хозьюгский пустынник предстал перед читателем в новом статусе – причисленным к лику общерусских святых. Так, в проложной

¹⁹ В самом же издании Пролога он называется иначе: «*В той же день (3 июля. - Е.П.) преподобного отца нашего Никодима Кожеезерского*» и начинается со слов: «*Сей преподобный Никодим родися близ града Ростова в веси Иванькове*».

²⁰ Этим временным отрезком мы обозначили нижнюю хронологическую границу составления Первоначального варианта КР (А).

²¹ «*Пренесение мощей иже во святых отца нашего Филиппа митрополита, нового исповедника*» (9 июля) и «*Сказание о Ризе Господней – о еже како принесена бысть от Аббас-Шаха в царствующий град Москву*» (10 июля).

статье он называется уже «преподобным», тогда как в рукописях варианта А – «авва» и «старец».

Неслучайно, на наш взгляд, и присутствие в КР ЖНК множества «московских» подробностей жизни святого (встреча с двумя московскими блаженными – Ильей, предсказавшим ему пустынножизненный подвиг на реке Хозьюге, и неизвестным юродивым, исцелившим Никиту (имя святого в миру) от сильной многолетней боли в животе²², постриг в Чудовом монастыре), тогда как подвижничество на Хозьюге и в Кожеозерской обители выписано в ней достаточно скудно. В этот исторический период на Руси наблюдается ярко выраженное стремление к упорядочиванию культа московских святых. В «выходе» Пролога 1661-1662 гг.²³ говорится, что в книге представлены «*вкратце сложенные*» повести «*чюдныя*» и, в первую очередь, «*российския земли великих святителей и чудотворцев московских*», а также «*иных градов благочестивыя державы*». Пустынножитель Никодим прекрасно «вписывался» в эту концепцию своей связью с Москвой – пострижением в Чудовом монастыре и «московскими» эпизодами своей биографии.

На основе Проложного варианта КР и I ПР, по нашим наблюдениям, был составлен еще один – Вишневый вариант ЖНК (далее: В), озаглавленный: «*История, собранная во кратце, о преподобном отце Никодиме чудотворце*»²⁴. Это стихотворное переложение жития имеет близость чтений с Проложным вариантом жития: *бысть ковачь железа* (Б) / *и тамо ковачь железа бывает* (В), и существенно рознится с чтением КР варианта А и I ПР: «*тамо изучися ковати гвоздя малаго*». С I ПР памятника Вишневый вариант сближает упоминание о «благочестивых родителях» святого и эпизод прижизненного чуда Никодима о спасении «ладьи от потопления», отсутствующие в Первоначальном и Проложном вариантах КР. Создателем стихотворного переложения, возможно, был иеродиакон Афанатос Сийский – его имя прочитывается в акrostихе, обозначенном как «*mlenie spisateleva*»,

идушим за вишневым переложением²⁵. Не исключено, что Афанатос²⁶, являлся не только автором вишневого жития, но и был составителем «дополнений» к Службе преподобному, необходимость которых, возможно, была вызвана обретением мощей Никодима после пожара в Кожеозерском монастыре в 1695 г. Примечательно, что и во втором списке I ПР (РНБ, ОСПК, Q.I. 1390) акrostих с именем Афанатоса Сийского следует после похвального слова и молитвы над мощами святому. Вполне вероятно, что перу «списателя» принадлежат, кроме Вишневого варианта жития, еще и молитвы на поклонение мощам и похвальное слово святому. Было бы заманчиво приписать Афанатосу и составление Жития Никодима I ПР, так как в двух сборниках, содержащих списки этой редакции, упомянуто его имя. Однако в защиту данного утверждения у нас нет достаточных оснований.

В обозначенном параграфе нами также поднимаются вопросы «первоначальной записки» Жития Никодима. Вариант А Краткой редакции, на наш взгляд, не был самой первой письменно зафиксированной информацией о святом. Об этом говорят «следы» существования ряда других «первоначальных записок» («уверение» старца Феодосия об отшельнике Никодиме, читаемое в Житии Дионисия, погодные записи из летописи обители, «слово» (память) Иоанна Дятлева и др.). **Второй параграф второй главы** посвящен текстологическим наблюдениям над Антониево-Сийским²⁷ и Соловецким²⁸ списками пространного Жития Никодима. В рукописной традиции ЖНК предваряется «Сказанием о зачале Кожеозерской пустыни», повествующем о старцах – Нифонте и Серапионе – основателях Кожеозерской обители²⁹. Исследователи уже писали о двух редакциях Сказания, представленных в этих рукописях³⁰. Идущие же в

²⁵ БАН, Архангельское собр., Д. 405, л. 54 об.

²⁶ Афанатос, судя по тому, как он себя именует, вероятно, грек по происхождению. Во всяком случае, человек он весьма образованный – иеромонах Никодим (Кононов) пишет, ссылаясь на епископа Макария, что «этот же Афанасий (Афанатос. – Е.П.) изложил в Сийском монастыре Ветхий завет на греческом языке» (см.: *Никодим, иеромонах (Кононов)*). Преподобный Никодим пустынножитель Хозьюгский ... С. 77. Ссылка на: *Макарий, епископ Архангельский и Холмогорский*. Исторические сведения об Антониево-Сийском монастыре // ЧОИДР. М., 1878. Кн. 3. С. 25).

²⁷ БАН, Архангельское собр., Д. 405, начало XVIII в.

²⁸ РНБ, Соловецкое собр., 182/182, 1741 г.

²⁹ Исключение составляет список РНБ, ОСПК, Q.I. 1390, не содержащий этого Сказания. Однако первые листы этой рукописи утрачены, поэтому нельзя утверждать, что его не было в сборнике.

³⁰ *Рыжова Е.А.* Серапион Кожеозерский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч.4: Т-Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 708.

²² Этим юродивым, на наш взгляд, мог быть Иоанн Водоносец (он же Большой Колпак). Составитель КР, видимо, умышленно не называет его имени, предполагая, что читатель по описанию узнает московского святого – водоносца («*прииде к нему некий муж, нося одеяние стамбредное ... держаща сосуд мал*» (ГИМ, Синодальное собр., 850, л. 531 об.)). Представляется любопытным то, что в сборнике Семена Никифорова есть три житийных повествования об Иоанне Водоносце.

²³ Пролог, вторая половина [март-август]. М., Печатный двор. 17.Ш. 1662. Л.472 - 473.

²⁴ Переложение ЖНК в стихах опубликовал в 1900 г. иеромонах Никодим по списку БАН, Архангельское собр., Д. 405, обозначив его как стихотворный «*вариант*» КР (см.: *Никодим, иеромонах (Кононов)*). Преподобный Никодим, пустынножитель Хозьюгский...С. 71-72). Мы принимаем его терминологию.

литературном конвое со Сказанием списки пространного Жития Никодима, до сих пор причислялись учеными к одной Пространной редакции. Однако, по всей видимости, редакторская работа производилась одновременно как над тестом Сказания, так и над текстом ЖНК. На основе проведенного нами текстологического анализа пространного жития Антониево-Сийского (далее: АС) и Соловецкого (далее: С) списков было выявлено значительное число разночтений между ними. Это позволило отнести списки к совершенно разным редакциям: АС – к I Пространной, С – ко II Пространной редакции. Разночтения списков АС и С в основном носят стилистический характер: второй редактор, стремясь к архаизации текста, насыщает его церковно-славянской лексикой, вносит дополнения уточняющего характера (частицы, союзы, наречия времени и т.д.), включает многочисленные выписки из псалмов, на которые в I ПР указания отсутствуют. В то же время редактор II ПР вводит в текст обороты, свойственные делопроизводственным документам XVIII в.³¹ («в бытности уже не имеется», «оный, прежденареченный свыше» и т.п.). Вторая ПР характеризуется также наличием «Сказания о списавшем житие», рассказа об утрате в пожаре иконы Божией Матери, предисловия к 14 «посмертному» чуду, упоминанием игумена Никона (будущего патриарха) в рассказе «о прельщенном иеромонахе Феодосии» и т.д. Автор II ПР, в попытке сделать текст более понятным, вносит ряд уточнений (*не по мнозем времени* (АС) / *не по мнозем времени по исцелении своем от тоя вышереченныя болезни* (С) и т.п.), однако, его редакторские внедрения в текст лишь утяжеляют повествование, лишая текст I ПР простоты первоначального рассказа. Редактор II ПР, в целом, более добавляет лексический материал, нежели заменяет или купирует текст: «*напрасныя смерти*» (АС) / *напрасныя и злыя смерти*» (С); «*уединитися мира*» (АС) / *уединитися суетнаго мира*» (С). На основании рассказа, в котором упоминается пожар в Кожеозерской обители 1734 г., можно предположительно датировать составление II ПР (на основе I ПР) временным отрезком с 1734 г. по 1741 г. (писцовая дата на рукописи). На наш взгляд, потребность в литературно-стилистической обработке, «унификации» текстов, связанных с Никодимом и историей монастыря на Коже, в целом могла возникнуть в связи с празднованием столетия со дня кончины преподобного. Сам же составитель имел прямое отношение к Кожеозерскому монастырю – он, при упоминании обители, всегда употребляет местоимение «наша». О том, что список был составлен в

³¹ Этот «симбиоз» между канцелярским и «церковным» языками был, в целом, характерен для духовной литературы Синодального периода.

монастыре на Коже, свидетельствует и запись в конце ЖНК перед тропарем святому: «*Написася 1741-го года декабря 21 дня тццаниемъ и труды тмгрвс*³² в Кожеозерском монастыре»³³. Другая запись, оставленная на Соловецком списке: «*С подлинным читал* (т.е. – сверил с оригиналом. – Е.П.) *Иван Пешков*», свидетельствует о том, что существовал еще некий «подлинный» список Жития Никодима II ПР, с которого «тиражировались» копии.

Кроме двух Пространных редакций имели место и более поздние переделки жития. Об этом говорит введенный нами в научный оборот список XIX в. ЖНК из собрания рукописей Государственного Архива Архангельской области (ГААО, 20 р Ц (542), л. 8-44 об.). Рукопись, судя по записи, была составлена в Кожеозерском монастыре около 1858 г. послушником Феодосием – будущим архимандритом Веркольской пустыни. По нашим предварительным наблюдениям, данный список ЖНК представляет совершенно новую редакцию памятника, значительно сокращенную по сравнению с I ПР и II ПР, стилистически приближенную к языковым нормам XIX в. Мы обозначили ее как III Пространную редакцию, составленную на основе II ПР.

Третья глава состоит из двух параграфов. **В первом параграфе** представлены итоги сопоставительного анализа текстов I ПР и КР (А) Жития Никодима³⁴ между собой и со Службой преподобному Никодиму. Результат сопоставления показал, что первоначальный вариант Краткой редакции (А) вошел в пространное житие уже в измененном, расширенном виде. I ПР отличается от КР (А) наличием предисловия, описания жизни святого в пустыне и чудес преподобного по смерти (14 чудес). Предисловие к житию ПР ЖНК, как мы обнаружили, почти целиком заимствовано из Жития Саввы Сторожевского, опубликованного в 1646 г. Московским Печатным двором (*Нач.: «Яко же убо царьския утвари златом украшении, со многоценным каменiem веселят очи, зрящих...»*)³⁵. Составитель ПР вводит в текст, необходимые для более пространного повествования, указания на время и длительность действия («*не по мнозем времени родители его преставистася*», «*пребысть время довольно*» и т.д.). Если в КР тема

³² К сожалению, нам не удалось расшифровать тайнопись (если это, действительно, тайнопись, а не аббревиатура – к примеру: «*Того ж Монастыря Грешного Раба В... С...*»).

³³ РНБ, Соловецкое собр., 182/182, л. 83 об.

³⁴ В день памяти святого, как указывалось в списке Службы преподобному Никодиму (РНБ, собр. Тиханова, № 473, XIX в.), Краткую редакцию полагалось читать по 6-й песне канона, а Пространную – по кафизмам.

³⁵ Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII века) / Сост. Л.А. Тимошина. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 3. М., 1994. С. 25.

прихода Никодима в монастырь сжата до простой констатации (в каком монастыре сколько времени провел святой), то в ПР мы находим подробное описание его послушаний в монастырях (Чудовом и Кожеозерском). Автор пишет, что житие предназначено *«на утешение и пользу всем, хотящим монашествовати»*, поэтому в своем повествовании старается подчеркнуть добродетели преподобного: смирение, послушание, кротость, незлобивость, молчаливость и другие черты облика святого, дабы читатель имел перед собой достойный образец для подражания.

Сопоставление мотивов Жития Никодима КР (А) и I ПР со Службой святому показало, что ее составители опирались на следующие житийные мотивы: чудесного наречения монашеским именем святого в детстве; переселения в «царствующий град»; пророчества человека Божия Илии о пустынножительстве на Хозьюге; отравления и чудесного исцеления святого; пустынного жития; явления Никодиму святителя Алексия и архимандрита Дионисия; извещения Никодима о приближающейся кончине настоятелю Кожеозерского монастыря и приход в обитель; посмертные чудеса: благоухания воздуха при преставлении, исцеления расслабленного. Если мотивы *«благоухания воздуха»* по кончине святого, питание в пустыне *«саморасленным бытием»*, укрощения зверей (*«звери дивии укротил еси, и своею рукою накормил еси»*) можно отнести в Службе к разряду «общих мест» преподобнической гимнографии, то совпадения в сюжетах пустынножизненных искушений вряд ли можно считать случайными. Отсюда следует, что Служба составлялась на основе текста, который содержал сюжеты пустынного жития (пожар и затопление кельи) и посмертных чудес (исцеление расслабленного), отсутствующие в КР (А). Следовательно, это был текст более «пространного», чем Краткая редакция, жития. Возможно, это была некая «промежуточная» редакция, между КР(А) и I ПР. Итак, основываясь на биографических данных, присутствующих в Службе преподобному Никодиму, мы можем предположить, что до выхода Пролога 1661-1662 гг. уже существовало некое, отличное от кратких вариантов, пространное житие. **Во втором параграфе третьей главы** рассматривается список XVIII в. (БАН, Основное собр., 33.3. 27) редакции Жития Никодима Кожеозерского, которую мы обозначили как Особую (далее: ОР). Если с I Пространной редакцией ОР сближает: фрагмент предисловия (в вариантах КР предисловия нет), упоминание о том, что Никодим *«от благочестивых родителей родися»* (в КР (А) – нет, в КР (Б) – *«от отца земледельца»*) и пространное описание пустынного жития (в вариантах КР нет). В то же время текст ОР, в отличие от других редакций, ничего не говорит о

пребывании Никодима в Ярославле, где святой получает навык «кузнечного ремесла» – после смерти отца он сразу отправляется в Москву. Московский период жизни святого дан в той же обрисовке, что и в других редакциях. В пустыню же на Хозьюгу в тексте ОР преподобный *«отыде»* из Чудова монастыря, минуя переезд с митрополитом Пафнутием на Крутицы и пребывание в Кожеозерском монастыре. Основная часть повествования ОР посвящена аскезе святого и его искушениям в пустыне (видение мертвой жены на берегу реки, постоянные бесовские нападения *«со множайшими силами и всякими видами»*: ограбление святого разбойниками, пожар и потопление кельи). Однако все эти эпизоды в I ПР описаны более детально.

Одним из существенных отличий Особой редакции от других – в ее необычной концовке. Повествование резко обрывается на аскетических упражнениях святого – 40-дневного «пощения» в земляной яме, тогда как во всех других редакциях ЖНК старец Никодим принимает кончину в монастыре на Коже, перед смертью причастившись. При публикации³⁶ данного списка жития мы охарактеризовали ОР как старообрядческую редакцию, составитель которой сокращал текст ПР с целью, не только продемонстрировать путь крайней аскезы – «самоуморения», но и чтобы лишний раз не упоминать Кожеозерский монастырь, связанный с именем патриарха Никона и принявший его «новины». К тому же состав сборника, куда вошел данный список, имеет явно старообрядческую направленность. Однако можно предположить и другое. Не исключено, что в руки составителя старообрядческого сборника попал некий дефектный список ЖНК с утраченным концом, заканчивающийся на следующем эпизоде: *«вшедшу (Никодиму.- Е.П.) в яму ону и пребысть четьредесят дней, моляся, не ядый, ни пия ничтоже, питаем благодатию Божию...»*. «Списатель» ОР, ничего не меняя в этом тексте, дописывает его, достаточно традиционной для кратких житий и патериковых рассказов, концовкой: *«и тако скончася. Богу нашему Слава, ныне и присно и во веки веком. Аминь»*. Вполне возможно, что гипотетический «дефектный» список ЖНК восходил к общему для I ПР и ОР протографу, который должен был дополнить повествование КР предисловием и рассказами о пустынном житии Хозьюгского отшельника. Кто же, в таком случае, мог быть составителем «протографа»? В I ПР после упоминания о яме идет

³⁶ Поletaева Е.А. «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале северо-русской агиографии и старообрядческих сочинений) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 214-215).

рассказ о «некотором» священноиноке Феодосии, *«иже поживе с преподобным лета два»*. Не исключено, что рассказы о том, «како» преподобный *«от бесов, пострада ... егда прииде в пустыню»* принадлежали не Иоанну Дятлеву, а иеромонаху Феодосию, прожившему с отшельником в пустыне два года. Феодосий не только мог знать гораздо больше И. Дятлева о «пустынном житии» старца, но и на себе испытать бесовские нападения. К тому же повествование «о борьбе с бесами», как было замечено исследователями, стилистически отличается³⁷ от «однородных рассказов» И.Дятлева своей особой «патериковой» манерой изложения.

В четвертой главе представлены наблюдения над художественным своеобразием Жития Никодима Кожеозерского. Семнадцатое столетие явилось для агиографии переломной эпохой. В это время традиционные черты житийного жанра соединялись с активным внедрением в текст художественных новаций. Мы попытались выяснить, насколько сильна в памятнике традиционная линия житийных мотивов, продолжающих развивать тему «пустынного жития», и какие веяния «новой литературы» смогли в него проникнуть. Житие Никодима Кожеозерского – *отшельническое* житие. Составитель КР ЖНК, боясь *«неверно возомнитися»* о «высоте» пустынного жития святого, так и не решился приступить к описанию подвигов Никодима в пустыне. Не имея перед глазами отечественных образцов – древнерусская агиография XI-XVI вв. не знала *отшельнических* житий «в чистом виде»³⁸ – составитель ПР последовал за известной ему схемой *преподобнического* жития с трехчастной композицией (предисловие, главная часть, заключение). В главной части этого типа житий обязательно сообщалось о местности, где святой родился, упоминались его «благочестивые родители», говорилось о подробностях ухода героя в монастырь и пострижения, описывалось подвижничество святого. В этой части жития автор не забывал показать добродетели, прижитенные чудеса и прозорливость святого. В *преподобнических* житиях святой, рано или поздно, начинал исполняться любовью к безмолвию и помышлять об уходе в пустыню. Этому, отчасти, способствовал и ореол «славы» – «похвала» иноков, видевших «преуспеяния» подвижника в добродетелях³⁹. Благоразумный герой

³⁷ Соколова Л.В. Житие Никодима Кожеозерского. С. 375-376.

³⁸ Например, С.В. Минеева среди перечисленных ею отшельнических житий называет только переводные памятники (см.: Минеева С.В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких). Курган, 1999. С. 122).

³⁹ Этот мотив встречаем в житиях Антония Великого, Антония Сийского, Зосимы и Савватия Соловецких, Никодима Кожеозерского и др.

пытался скорее убежать от «похвальных речей», мешающих спасению. Он испрашивал разрешение у духовника удалиться в пустыню. Последний, прозорливо усматривая на иноке печать Святого Духа, благословлял его на пустынножительство. Подвижник находил чудесным образом – через Божественный знак – «пусто место», в котором подвизался, «отражая» молитвой бесчисленные бесовские нападения и пустынные «страхования». Со временем, из пустыни отшельника вырастал монастырь. С этого момента *преподобническое* житие начинало развиваться по типу *«игуменского»*, имевшего свой круг тем, связанных со строительством монастыря («трудничество», терпение упреков и досаждений от братии, непосильные труды⁴⁰ и т.д.). Практически все древнерусские жития преподобных отцов развиваются по этому типу. В пользу данного утверждения свидетельствуют и сами заглавия житий, где святые, наряду с «отшельниками» и «преподобными», именуется еще и «строителями», «начальниками» монастырей.

«Списатель» Жития Никодима, как мы показали на примерах сопоставления памятника с другими севернорусскими житиями (Кирилла Белозерского, Александра Свирского, Антония Сийского и др.), прекрасно ориентировался в литературной традиции жанра, где тема подвижничества была к XVII в. достаточно хорошо разработана. Даже в общих для большинства житийных текстов местах (моление о постриге, выполнение послушаний в монастыре и т. п.) агиограф не повторяет никого из своих предшественников, демонстрируя, тем самым, высокий уровень литературного мастерства. Автор, как видим из текста ЖНК, знает не только древнерусскую агиографическую традицию, но и хорошо ориентируется в переводной литературе. Находясь под влиянием Жития Антония Великого, он не избежал сравнения преподобного Никодима с великим основателем пустынножительства. Составители Службы святому также видели в Никодиме подражателя египетским отшельникам: *«Сревнуя великим отцемъ Антонию и Онуфрию, и Павлу Фивейскому...», «во времена сия последняя в пустыню, яко же древний Антоний вселился еси, и его слезам и постом подражал еси»*⁴¹. «Соревноваться» в добродетельном житии с основателем пустынножительства вменялось в обязанность каждому иноку: *«Благу ревность состависте к египетским иноком, рекше сравнятися или превзыти сих воздержанием вашим добродетельным»* - пишет святитель Афанасий Великий в предисловии к Житию Антония Великого, указывая на *воздержание*, как на основную

⁴⁰ Например, в житиях Трифона Печенгского и Серапиона Кожеозерского имеет место глубоко символический эпизод «ношения жерновов».

⁴¹ Служба преподобному Никодиму 3 июля (тропарь и шестая стихира «на хвалитех»).

монашескую добродетель. Только с помощью *воздержания* подвижник мог победить «демонские полки». Антоний Великий «ядяше» лишь раз в день после захода солнца хлеб с солью и «воду едину». Никодим, как Иоанн Предтеча и афонские отшельники, питался «саморасленным бытием»: *«Пища же его бе – бытие пустынное собираше и симъ токмо питаешся»*. Отшельник иногда употреблял рыбу, но предварительно доводил ее до совершенно несъедобного состояния – *«дондеже бы червем от нея исходити и являтися»*, и тогда только *«вкушаше и то малое число»*. Таким образом, в своем воздержании Никодим шествовал путем крайностей. Образ преподобного Никодима сближает с великим пустынножителем Антонием не только суровость воздержания, но и необычайная любовь к нему окружающих. Антоний, по свидетельству автора, *«любим бяше от всех»*. Так и Никодим, когда трудился в общежительствах, *«бысть ... всеми любим и почитаем, и хвалим, добродетельнаго ради жития его, иже к Богу»*. Мотив земного почитания подвижника для пустынножительного памятника имел немаловажное значение. Сцена посещения Никодима игуменом Авраамом перекликается с эпизодами встречи Антония Великого с Павлом Фивейским и преподобного Зосимы с Марией Египетской – святые, обнаруживая друг в друге «равноангельное» житие, припадая друг перед другом на колени, просят благословения, и долго никто не решается благословить первым.

Памятник не избежал внедрения новых черт в изображение житийного героя. Читатель ЖНК заинтригован необычным для жития «фабульным» началом⁴², в духе бытовой повести рассказывающим о перипетиях в судьбе героя. Никита, услышав в детстве Божественный голос, произнесший его монашеское имя, смутно ожидая чего-то, «мечется» по жизни. Это, нехарактерное для житийного героя поведение обнаруживается как в смене им мест жительства, так и в многообразии его занятий. Герой как будто ищет свою судьбу. Он оставляет родовое «земледелие» и по смерти родителей переселяется в Ярославль, где обучается кузнечному ремеслу. Не известна причина переезда Никиты в Москву, где трудом святого старца, которая наполняет Божественной благодатью становится не только ремесло, но и торговля: *«И сядицу ему по обычаю на месте своем, идеже обыкновенно есть продаяти случившаяся ему»*⁴³. Для житийного героя XIV - XVI вв. занятие

торговлей – дело наиредчайшее⁴⁴. Не свойственно было ему и «метаться» при выборе жизненного пути: после смерти родителей он спешил отправиться в монастырь. В житии Никита решает стать иноком лишь после исцеления от тяжкого недуга – результата отравления. Сам же «московский» эпизод с отравлением героя в доме у «единохудожна» товарища женой «злой и прокудливой» (имевший место уже в КР) был настолько новым и неожиданным, что составитель ПР ЖНК помещает его дважды (второй раз Никита подробно, в деталях, пересказывает историю с отравлением, объясняя юродивому причину своей болезни «во утробе»). Образ «злой» жены, крайне редкий для агиографии, хорошо был известен читателю по бытовым повестям (жена Бажена Второго из Повести о Савве Грудцыне и др.).

В житии проявился общий для всей литературы XVII в. интерес к перемещениям, изображению «живости» персонажей⁴⁵. Так, Никита семь раз меняет свое место жительства (Иваньково, Ярославль, Москва, Чудов монастырь, Крутицы, Кожеозерский монастырь, и, наконец, Хозьюга), а перед смертью возвращается в Кожеозерскую обитель. И другие герои Жития Никодима активно передвигаются, ведут себя достаточно энергично. В описании движений подчеркивается их стремительность: *«скоро притекох», «вскоре повеленное ему исполняет»*). Следует обратить внимание на излюбленный автором художественный метод изображения – прием контраста. Чада старца, монастырская братия, крестьяне и др. противопоставляются святому в своих обиходных, суетных устремлениях. Встреча двух миров («горного» и «дольного») – «сокровенный» конфликт. Монастырский брат заворачивает в сверток с «удицами», купленными им по просьбе Никодима, еще и серебряные монеты, желая «угодить» отшельнику, старец же, прозорливо усматривает «денежный подарок», просит инок забрать «сребряницы» себе. Крестьяне также, из благих побуждений, строят пустыннику новую келью, принуждая Никодима переселиться в нее, не считаясь с тем обстоятельством, что «ветхую хижицу» святой «любяше» «паче царских чертог». Через антитезу людской приземленности и святости старца составитель ЖНК вводит и обязательный для житийного жанра элемент чуда. Чудо происходит от столкновения «мирского» со святостью, вызывая умиление, удивление, восторг, передающиеся от «самовидца» чуда через повествователя к читателю жития. Особенно это касается

⁴² Об «увлекательной сюжетности» Жития Никодима писал еще Л.А. Дмитриев (см.: Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 191).

⁴³ Хотя здесь подразумевается, вероятно, не профессиональная купеческая торговля, а обычная для городского ремесленника розничная и мелкооптовая продажа, как правило, произведенного им товара.

⁴⁴ Известно, что преподобный Трифон Печенгский (его житие было составлено в конце XVI - начале XVII в) переодевался в купеческие одежды, но лишь по необходимости - дабы проповедовать местным жителям христианское вероучение.

⁴⁵ Демин А.С. Русская литература второй половины XVII- начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.

чудес, связанных с прозорливостью бытовую повседневность. Все повествование скреплено такими чудесами – каждая встреча со старцем сопровождается «малым» чудом.

Житие Никодима Кожеозерского имеет мозаичную структуру повествования и разбито на множество зарисовок. «Многослойность» текста обусловлена не только наличием разновременных источников и «многоголосием» свидетельств о святом, но и стремлением автора сохранить прямую речь «самовидцев», ее индивидуальность. В этом проявился «документальный» характер повествования – «писатель» как бы сам проводит «комиссию по расследованию» фактов святости преподобного, фиксируя воспоминания о нем, указывая на их достоверный источник. Раскладывая рассказы в порядке хронологии, как житийные клейма вокруг образа святого, составитель комментирует их «простою беседою», и «икона» начинает приобретать черты «портрета». Никодим, сын земледельца, труженик и смиренный делатель молитвы, несмотря на невиданную суровость своего аскетизма, приближен к читателю, «доступен» в своей простоте. Его речь характеризуется «ласковостью» и пронизана любовью к собеседнику. Кажется, что из его маленькой «пустыньки», расположенной у «Студеного моря-окиана», льется благодатный свет, достигая «царствующего града Москвы» и всех пределов Московского царства.

В **Заключении** диссертации дается обобщение результатов исследования, сформулированы основные выводы, намечены перспективы дальнейшего изучения Жития Никодима.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. «Житие Никодима Кожеозерского» как памятник севернорусской агиографии XVII в. // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Сыктывкар, 1990. С. 60-61. 0,1 п. л.
2. Житие Никодима (опыт текстологического исследования) // Российское государство XVII – начала XX вв.: экономика, политика, культура. Материалы конференции, посвященной 380-летию восстановления российской государственности. Екатеринбург: НПФ «Градиент», 1993. С. 124-128. 0,3 п. л.
3. «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале северно-русской агиографии и старообрядческих сочинений) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. С.198-215. 0,8 п. л.
4. Агиография в рукописной традиции Поморья и Урала и ее связь с идеологией старообрядчества // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 155-157. 0,2 п.

л.

5. К вопросу о развитии рукописной традиции древнерусского Пролога во второй половине XVII в. (опыт сопоставительного анализа) // Человек и общество в информационном измерении. Материалы региональной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2001. С. 117-123. 0,4 п. л.
6. Круг агиографических памятников Урала в контексте старообрядческой культуры // Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVI-XX вв. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 48-99. 3 п. л.
7. Краткая редакция Жития Никодима Кожеозерского в книжно-рукописной традиции XVII в. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI-XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С.241-255. 0,6 п. л.